

Запах ПСИНЫ

Андрей Евдокимов

Андрей Евдокимов

Запах псины

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Евдокимов А.

Запах псины / А. Евдокимов — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Астматичка, параличом прикованная к постели, получила эсэмэску: "В твоей кровати бомба. Сдохни!". Но умерла астматичка, со слов врача, от приступа астмы, вызванного шоком от эсэмэски. Дочь покойной наняла частного сыщика Яна Янова найти отправителя эсэмэски. Янов выяснил, что недоброжелателей у покойной хоть отбавляй, и что причиной смерти могла быть не только эсэмэска.

Об очередной выходке шутника-бомбера горожанам рассказала передовица “Вечернего Андреева”.

Астматичка, парализованная к постели, получила эсэмэску: “В твоей кровати бомба. Сдохни!”. Дети астматички позвонили в милицию, получили приказ к кровати матери не прикасаться, больную не поднимать.

У астматички на нервной почве случился приступ астмы. У меня б тоже случился, узнай я о том, что подо мной бомба, жить осталось бог знает как мало, снимать меня с кровати милиция запретила, а я сам унести ноги не могу, потому как паралитик.

Приехали сапёры с овчарками. Пёсики обнюхали дом до последней паутинки. Бомбу не нашли. Пока искали, астматичка умерла. В смерти пациентки доктор обвинил острейший приступ астмы, вызванный эсэмэской.

Под конец статьи автор сообщил, что отправителя эсэмэски-убийцы милиция не нашла.

Я отложил вечерку, подумал, что для тихого городка два случая телефонного терроризма за две недели – это чересчур.

В прошлый раз шутник позвонил в редакцию “Вечернего Андреева”. Сказал, что заминирован супермаркет “Авоська”. Персонал и покупателей магазина эвакуировали. Ни бомбы, ни шутника не нашли.

Я поднапряг память, вспомнил, как было дело.

Уже через минуту после того, как шутник позвонил в “Вечерний Андреев”, о бомбе знал весь город. Мобильники в руках сотрудников редакции вечерки – средство моментального оповещения масс.

Слух по городу разлетелся вмиг. Шутка ли, бомба! Да такое чудо андреевцы видели только по телеку! А тут бомба прямо под носом, в самом большом супермаркете города. Не какая-нибудь багдадская, а Наша Бомба!

Обыватель в восторге, пересудам нет конца, фразы типа “Я мог проходить рядом с бомбой!” или “мою маму эвакуировали последней” звучат в каждом трамвае, офисе, кабаке.

Андреев заговорил о конкурентах “Авоськи”. Мол, решили наказать супермаркет за низкие цены. Почему нет? Позвонил, сказал про бомбу, и сиди, радуйся, пока у конкурента на несколько часов сапёры прикрывают всю торговлю. Убытков не счесть, опять же слушок среди покупателей пробежит каверзный: ходить в “Авоську” стрёмно, ненароком подорвёшься.

Вечерние теленовости в День Бомбы ждал весь город. Не зря. “Андреевские новости” постарались, видеоряд смонтировали на пять баллов. В кадре овчарки рыскали по супермаркету, обнюхивали каждую паутинку, за ними – камера, всё в движении, ни единого стоп-кадра... Зрителя оторвать от экрана не проще, чем сладкоежку от шоколада. Даже я, и тот не устоял. Всё гадал, за каким углом, в какой пятилитровой жестянке вместо заморских маслин окажется местная бомба.

Когда главный сапёр сообщил, что бомбу не нашли, казалось, что по городу пронёсся возглас разочарования. Испортили такое клёвое шоу...

Через два дня в “Андреевских новостях” главный милицейский чин отчитался в провале операции “Поймай шутника”. Телефонного террориста не нашли. Хитрец звонил из автомата на рынке. Там народу море, камер наблюдения две на весь рынок, и те направлены на джип директора рынка – попробуй того шутника в таких условиях найди!

На всякий пожарный редакторы “Андреевских новостей” повторили видеоряд о сапёрах и овчарках, обнюхивающих “Авоську”. Наверное, для тех, кто в прошлый раз не видел, и не понимает, о какой бомбе вещает главный милиционер города. За кадром голос милицейского начальника призвал горожан не расслабляться. О каждом подозрительном предмете голос за кадром попросил сообщать немедленно, ибо в следующий раз бомба может оказаться бомбой, а не шуткой.

Провал поисков террориста вернул обывателю хорошее настроение, дал пищу для размышлений. На каждой кухне, за каждым стаканом тёплого молока пьедестал почёта заняли три вопроса: “Кому выгодно?”, “Кто следующий?” и “Поймают ли шутника?”.

Остроту ситуации некоторые кухонные знатоки видели в том, что накануне в Андрееве с размахом отмечался День защиты детей. В число развлекательных мероприятий руководство города включило показательные выступления отряда сапёров. Спецы разминировали муляж бомбы в маршрутке прямо посреди главной площади города, закрытой для движения по случаю праздника.

Что праздничного в группе закованных в бронекостюмы людей с овчарками и роботами? Сам факт их наличия в Андрееве. В связи с недавними взрывами маршруток в соседних городах милиция решила показать андреевцам, что у нас сапёры есть, и они всем сапёрам сапёры. Только дайте им бомбу, а уж они знают, что с ней делать. Главный сапёр заявил, что по вызову придут в любую точку Андреева через десять минут. Это ли не праздник?

Как выступления сапёров вяжутся с Днём защиты детей? А разве разминирование защитой уже не называют?

Что ни говори, а праздник удался. Гвоздём программы оказались именно сапёры. Народ толпился как рядом с мужиками в фантастических бронекостюмах, так и возле холёных немецких овчарок, а роботы вызвали настоящее столпотворение.

Кому защита от террористов, а кому игрушки. Роботы сапёров собрали вокруг себя всех мальчишек, что пришли на праздник. Роботы пацанов очаровали. Какие классные радиоуправляемые вездеходики с видеокамерами и рукой-хваталкой! Мне б такой в школу...

Выступление сапёров вожди города решили донести до широких масс. В вечернем шестичасовом выпуске “Андреевских новостей” пустили в прямом эфире длиннющий репортаж с площади Ленина, где выступали сапёры. Мол, спи спокойно, народ андреевский, мы начеку. Мировой терроризм не пройдёт!

Те новости народ смотрел с не меньшим интересом, чем назавтра смотрел репортаж о бомбе в “Авоське”.

Шутник с “бомбой” объявился на следующий день после праздника и выступления сапёров. Потому многие из числа кухонных аналитиков подумали, что шутник, узнав о шоу сапёров, овчарок и роботов, решил проверить расторопность сапёров. Ведь главный сапёр раз десять заявил, что в любую точку Андреева его группа придёт не позднее чем через десять минут после сигнала тревоги. Мол, не волнуйтесь, граждане, у нас всё схвачено.

Не знаю, зачем шутнику проверять обещания главного сапёра, ведь и так ясно, что выполнимы, причём легко. Со включенной сиреной проскочить весь Андреев можно за двадцать минут. База сапёров расквартирована в центре города. Значит, расчётное время прибытия сапёров в любую точку Андреева лежит в пределах десяти минут.

Может, шутник-бомбер проверять сапёров и не думал, да только кухонные эксперты заключили, что таких совпадений не бывает. Версию “на счёт бомбы позвонили конкуренты супермаркета” со временем вытеснила гипотеза “шутник проверил расторопность сапёров”.

Не успели горожане забыть шоу с “Авоськой”, как “бомба” оказалась в кровати астматички-паралитички...

Додумать мысль мне помешал дверной звонок. Вернее, тот гад, который утопил кнопку звонка и не отпускал до тех пор, пока я не начал открывать замок.

*

*

Я открыл. На пороге – паренёк лет двадцати.

Паренёк протянул руку.

– Лёва. Меня зовут Лёва. А вы – Ян Янов?

Я кивнул. Говорят, здороваться через порог – примета плохая, потому я пожал протянутую руку Лёвы не раньше чем перешагнул порог.

Если меня спросят, как Лёва выглядит, я скажу, что Лёва толстый. Наверняка не сахар сыплет в чай, а чай льёт в сахарницу. Или пивохлёб. Хотя вряд ли. На любителя пивка не смахивает лицом. Скорее всего, обожает булки.

Когда знакомство закончилось, я почувствовал, как меня окутало облако резкого запаха. Я повёл носом. Лёва улыбнулся.

– Это от меня. Вы же заметили запах, я угадал?

Я кивнул. Лёва протянул ко мне ладони тыльной стороной вверх.

– Пахнет отсюда. Это детский крем. Вонючий, правда? Зато он единственный помогает. У меня сильно сохнет кожа.

Я понюхал свою ладонь, качнул головой: мол, ах вот оно что! Лёва спрятал руки за спину, замялся.

– Ян Янович, я слышал, вы занимаетесь убийствами.

– Кого-то надо убить?

– Найти убийцу.

– Входите.

Когда мы расселись в креслах, Лёва указал взглядом на вечерку, что лежала на журнальном столике передовицей вверх.

– Ян Янович, как вам эта история про эсэмэску-убийцу? Или вы ещё не читали?

Для начала я сказал Лёве, что величать меня по имени-отчеству не обязательно. Хватит и имени.

Затем я сказал, что статью про эсэмэску читал. Добавил, что недоноска, что так шутит, надо посадить, чтобы другим было неповадно.

Лёва кивнул, словно услышал то, что ожидал, и то, что он услышал, его устроило.

– Ян, вас пригласила в гости Оксана. Это моя сестра. Я должен привезти вас к ней. То есть к нам домой. Я на машине.

– А если я не поеду?

– Тогда я вас не привезу.

– Логично. Почему Оксана не пришла ко мне сама, а послала вас?

– За рулём-то я, Оксана водить не умеет. Зачем нам мотаться за вами вдвоём?

– Что я забыл в вашем доме?

Лёва поднял со столика вечерку, осмотрел передовицу, словно хотел убедиться, что не ошибся, вернул газету назад, перевёл взгляд на меня.

– Ян, в этой статье написано про нашу мамашу.

– Примите мои соболезнования.

Улыбка Лёвы сбила меня с толку. Такой улыбкой прикрывают смущение. Чего смущаться-то? Обычно люди в ответ на соболезнования либо кивают, либо говорят что-то вроде “спасибо”, а тут улыбка и чуть не довольный взгляд.

Я озвучил условие: перед тем, как решу, принимать приглашение Оксаны или нет, Лёве придётся ответить на мои вопросы. Лёва взглянул на настенные часы, вздохнул в стиле “ну, если без этого нельзя...”.

Через полчаса я в общих чертах узнал предысторию эсэмэски-убийцы. Заодно просветил себя на тему “кто есть кто в семье мамаша”.

Лёвина мамаша держала будку на вещевом рынке. Как ещё назвать железный бокс с окном и дверью? Кто-то называет эту коробку магазином. Мамаша называла будкой. Чтобы не платить за аренду бешеные деньги неизвестно сколько лет, мамаша будку выкупила. В будке мамаша торговала джинсами.

После смерти мамы будка перешла наследникам. Из Лёвы с Оксаной такие торговцы, что ту будку продавай хоть сейчас. Мамашино умение торговать детям в наследство не досталось. Лёва обожает печь круассаны, сестра любит пошляться по барам-кабакам с подружками.

Где Оксана заседает с подружками чаще всего? В кабаке “Маслинка”, что в парке Петровского.

Где Лёва печёт круассаны? В основном дома, но случается, что и в колледже. Лёва учится на кулинара. Где колледж? На Никольской. Угол Наваринской.

Оксана учится на компьютерного дизайнера. Её колледж на Кирова. Ближе к Космонавтов, чем к Киевской.

Что Лёве и Оксане перешло по наследству кроме неумения торговать? Будка на вещевом рынке, дом с двух этажах, да мамашин счёт в банке. На будку очереди из покупателей нет, потому цену будке Лёва не знает. Дом затянет тысяч на двести. На мамашинем счету осталось чуть меньше двадцати тысяч долларов.

Да, есть ещё жигуль-четвёрка, на котором мамаша ездила за товаром. Машину сто лет назад мамаша оформила на Лёву. Так что Оксане от машины не перепадёт даже дворника, что Лёву радует.

Дом у мамы хороший, добротный. Муж мамы строил сам. У мужика были золотые руки.

Муж мамы погиб в аварии, когда дети ещё не ходили в школу. Детишки тогда повисли на мамашиних руках. Вырастила сама, без помощи со стороны. Разве только бабушка помогала тем, что присматривала за внуками, пока мамаша торговала.

Жили в одном доме все вместе: бабушка, мамаша, да Лёва с Оксаной. Теперь Лёва с Оксаной остались в здоровенном доме вдвоём.

Кроме Лёвы и Оксаны у мамы наследников нет.

Вот, вкратце, и вся подноготная мамашиней семьи.

Предыстория эсэмэски чуть длиннее. Чтобы всё понять, надо начать не с мамы, а с бабушки.

Лёвина бабушка – мать лёвиной мамы – была весёлой старушенцией, любила едко пошутить. Первого апреля бабушка упала, начала причитать, мол, сломала ногу. Зная бабушкины зачастую чёрные шутки, семья подумала, что бабушка всех разыгрывает, ведь дело было первого апреля. Но бабушка через пять минут “розыгрыша” потеряла сознание.

Бабушку забрала “скорая”. Оказалось, что бабушка сломала шейку бедра. На следующий день бабушку из больницы выписали. Врачи сказали, что с такими переломами в таком возрасте – бабушке стукнуло семьдесят – выживают редко.

Бабушку привезли домой, уложили в постель. Мамаша наняла соседскую девушку Катю ухаживать за бабушкой. Катя сидела с бабушкой с утра до вечера.

Со дня перелома не прошло и месяца, как бабушка умерла.

Наутро после бабушкиных похорон у лёвиной мамы начался приступ астмы. Впервые в жизни. Сначала не могли понять, в чём дело, почему мамаша задыхается. Вызвали “скорую”. Доктор поставил диагноз: астма. На рынок мамаша не пошла. Торговый день пропустила.

На следующий день выпал праздник, который праздновали по традиции всей семьёй – Первое Мая. Самый любимый праздник бабушки, утро, солнце, а бабушки рядом нет. Бабушку только позавчера похоронили. У мамы началась истерика. Пока дети мамашу успокаивали, та сидела в кресле. Когда, наконец, успокоили, мамаша решила сходить в ванную, умыться.

Когда мамаша попыталась встать, поняла, что ноги не держат. Да не просто не держат. Мамаша ноги перестала чувствовать. Ноги у мамы отнялись.

Началась вторая истерика, теперь уже из-за ног. Закончилась истерика сильнейшим приступом астмы, аж до вызова “скорой”.

Врач “скорой” высказал предположение, что ноги мамыши парализованы. После такого вердикта у мамыши случился третий приступ астмы.

После отъезда медиков мамашу уложили в постель. Вызвали частного доктора.

Частный доктор в отличие от врача “скорой” предположений не высказывал. Выдал железную уверенность: у мамыши – паралич ног. Вполне возможно, ноги отнялись навсегда.

После слов врача мамашу срубил очередной приступ астмы. Врач, видя такое дело, предположил, что приступы астмы у мамыши на нервной почве. Кто знает, в таком случае быть может, и паралич тоже от нервов?

Частный доктор выписал мамаше дорожные лекарства, и пообещал навещать.

Делать нечего. Паралич так паралич. Мамаша наняла себе сиделку – крепкую соседскую девушку Катю. Ту Катю, что ухаживала за бабушкой, мамашинной мамой. Дети днём на учёбе, вечером – дело молодое – хотят погулять, а мамаша ходить не может. Как ни крути, а без сиделки не обойтись.

С отнятыми ногами сильно-то не поторгуешь, потому мамаша наняла реализатора Димона. Парня звать Димой, но он всем представляется Димоном. Так Димоном его все и зовут.

Целую неделю Димон торговал, в воскресенье пришёл с первым отчётом. Лучше бы Димон тот отчёт не приносил: доход упал ниже плинтуса, даже с учётом майских праздников. Мамаша в шоке. У мамыши на нервной почве случился очередной приступ астмы.

Заменить Димона нечем. По объявлению приходили ещё более бестолковые торговцы, чем Димон. Друзья с рынка нормальных реализаторов не советуют, хороший продавец всегда на вес золота. Вдобавок, как мамаша слегла, так друзья и пропали.

Из-за того, что торговля по вине недотёпы Димона остановилась, денег семье стало не хватать. Чтобы не тянуть из заначки, мамаша решила урезать расходы.

Мамаша сказала Кате, что платить будет за реально отсиженные часы, не за целый день, как было, когда Катя сидела с бабушкой. С того момента Катя сидела с мамашей лишь в то время, когда Оксаны не было дома, или когда Оксана занята. Лёва с мамашей не сидел потому, что мамаша стеснялась: “не мужское это дело”.

Когда Катю отпускали, а Оксана была дома, но не рядом с мамашей, то мамаша, если надо, звонила в колокольчик, который купили в магазине “Рыбалочка”, или на мобильнике набирала номер Оксаны.

Всенощные посиделки в кабаке Оксане пришлось забыть. По воскресеньям Оксана с утра по три-четыре часа гуляла, встречалась с подружками. Должна же у Оксаны быть хоть какая-то личная жизнь! Ведь у Лёвы свободного времени навалом, он с мамашей по вечерам не сидит, за мамашей не ухаживает. Пока Оксана гуляла, с мамашей сидела Катя.

По воскресеньям же – по вечерам – приходил реализатор Димон с отчётом о хиреющем бизнесе мамыши. Визиты Димона заканчивались нервными потрясениями мамыши и приступами астмы. Димон спешил ретироваться до того, как приступ наберёт силу.

Частный доктор провёл кучу исследований, взял у мамыши море анализов, выдал вывод: паралич ног на нервной почве, как и астма. Посоветовал мамаше нервничать поменьше. Совет отличный, кто бы спорил, да только как ему последовать, если каждое воскресенье с убивающими наповал отчётами приходит реализатор Димон? А в середине недели мамашу не отпускали чёрные мысли об умирающем бизнесе.

Доктор посадил мамашу на лекарства от нервов.

Когда мамаша принимала лекарство, начинала сильно тормозить. Нервозность отступала, взамен приходило состояние лёгкой дебильности. Мамаша всё чаще становилась похожей на овощ, начинала заговариваться. Ночью засыпала только со снотворным. Иногда принимала снотворное днём, после приступов.

В доверительном разговоре с детьми частный доктор посоветовал о поправке мамы забыть: не за горами сумасшествие.

На Катю-сиделку и на дорогие импортные лекарства в месяц уходила тысяча долларов. Плюс питание, затраты на дом, бензин, всякие мелочи... Доход от будки за вычетом зарплаты Димона – пятьсот баксов в месяц. Сплошной минус.

Оксану и Лёву состояние мамы вогнало в ступор. Ведь зарабатывать ни Лёва, ни Оксана не умеют, а затраты огромные. Как ни старались, а потянуть из мамашиней заначки таки пришлось. Мамашин счёт в банке начал таять.

Мало было мамаше нервов, так добавил Серый. Кто таков? Сергей, мамашин конкурент. Тоже “джинсовый магнат”, как и мамаша. На рынке будка Серого напротив мамашиней. Как-то раз Серый пришёл в гости, предложил мамаше её будку выкупить.

Мамаша отказала. Как она может будку продать, если с дохода от будки живут дети? Серый тогда ушёл несолоно хлебавши. Перед уходом полюбовался на приступ астмы – мамашину реакцию на нервное потрясение, вызванное предложением Серого.

Серый с первого раза не угомонился, приходил ещё. Получил очередной отказ. Мамаша получила очередной приступ.

Так мамаша и жила. То новость плохая, то паршивая. И каждый раз нервы взвинчивали мамашу до предела. И каждый раз доходило до приступа астмы. Во время приступов мамаша мучилась страшно. Лёва и Оксана не могли на её страдания смотреть.

И тут мамаше пришла эсэмэска. Мамаша прочла вслух: “В твоей кровати бомба. Сдохни!”. Сиделка Катя чуть не хлопнулась в обморок. У мамы на нервах от текста эсэмэски начался приступ астмы.

Когда точно пришла эсэмэска? В воскресенье, в обед, в час дня. День как день, ничего особенного. Ни Лёве, ни Оксане дурных снов не снилось. Какое воскресенье? Прошрое. Четырнадцатое июня.

Кто был дома? Все. Мамаша, Лёва, Катя, Оксана. Оксана только-только пришла с воскресной прогулки. Катя ещё не успела уйти с дежурства домой.

Что было дальше? Когда Лёва прочёл текст эсэмэски, сразу позвонил в милицию. После новостей о шутке с бомбой в супермаркете и милицейских призывов к бдительности Лёва позвонил в милицию без раздумий. Лёве приказали мамашу с кровати не снимать, кровать не толкать, не дёргать, людей из дома вывести.

Лёва отправил Катю и Оксану во двор, подальше от кровати, сам остался с мамашей и её приступом.

Через десять минут после лёвиного звонка прибыли сапёры с овчарками. Началась суматоха, шум, гам, лязг оружия, топот ботинок, завоняло оружейной смазкой. У мамы от этого кавардака началась истерика. Не успел пройти первый, как налетел второй, ещё более мощный приступ астмы.

Сапёры бегом вывели из дома Лёву, во дворе к Лёве добавили Оксану и Катю, всю троицу выгнали со двора на улицу. С мамашей остался врач, что прибыл с сапёрами.

Через пять минут после прибытия сапёров мамаша умерла. С момента прихода эсэмэски прошло всего двадцать минут.

Позже врач сказал, что мамаша умерла от приступа астмы. Задохнулась. Какая страшная смерть! А ведь мамаше было всего пятьдесят...

С полчаса сапёры с собаками обыскивали мамашин дом. Бомбы не нашли.

Затем приехал следователь, начались допросы.

Под конец для полного счастья пришёл реализатор Димон, ведь по воскресным вечерам он приходил доводить мамашу до истерика своими отчётами за неделю. Предупредить Димона, чтобы не приходил, в суматохе забыли.

До ночи Лёва с Оксаной ходили по дому как в трансе. Заснули под утро. Может, в то воскресенье было что-то ещё, но Лёва припомнить не смог.

Во вторник мамашу похоронили. Ушла куча денег.

Всю неделю шло следствие. Искали отправителя эсэмэски. В субботу следователь сообщил Лёве и Оксане результаты поисков. Шутника-бомбера не нашли. В воскресенье Оксана послала Лёву за частным сыщиком Яновым.

Что рассказал следователь? Эсэмэска-убийца отправлена не с телефона, а с сайта-отправителя эсэмэсок. Заказана из интернет-кафе заранее. Неткафе, откуда заказали эсэмэску, нашли. Узнать, кто заказал, не смогли. Камер слежения в том неткафе нет. Адрес неткафе и время заказа эсэмэски – тайна следствия.

Установить заказчика довольно сложно ещё и потому, что телефон мамыши знало полгорода. У мамыши знакомых – считать замучаешься.

Дело по факту хулиганской эсэмэски приостановлено.

Возбуждать дело по факту убийства следователь не станет. Ножа в спине нет, пули в голове нет, яда в теле тоже нет. Убийство эсэмэской в наших академиях ещё не преподают. От астмы умирают, да. Но кто докажет, что последний приступ астмы вызван эсэмэской? Доказывать будут до пенсии.

Явного убийства нет, значит, шеф за излишнее усердие следователя убьёт. У следователя убийств настоящих – с дырками в головах да с ножичками в животах – хватит разгребать до второго пришествия, а тут непонятная смерть от приступа астмы. Да шеф со следователя шкуру спустит в момент!

Оксану такое положение дел не устраивает. Человека убили, а милиция убийцу искать не собирается. Лёва с Оксаной согласен. Каков бардак, а?!

Пока Лёва возмущался поведением следователя, я задал себе пару вопросов. Как доказать, что заказчик эсэмэски хотел мамашу убить, а не пошутить? Как доказать уверенность заказчика в том, что текст эсэмэски вызовет у мамыши нервное потрясение, достаточное для смертельного приступа астмы?

Пока я задавал себе вопросы, Лёва сказал, что затея Оксаны с наймом частного сыщика Лёве не нравится. Лёва против. Почему? Разве сыщики теперь работают бесплатно? С другой стороны, Оксана сказала, что заплатит сыщику со своих. Значит, Лёву это не волнует. Но дело не только в деньгах. Какое у нас правосудие, каждый день Лёва видит по телеку. Всех собак повесят на Оксану. Жаль дурочку. Сядет ни за что.

Ведь у Лёвы и Оксаны прекрасный мотив. Лёве стукнуло двадцать, Оксане только-только исполнилось девятнадцать, и вот таким молодым обломилось всё сразу: и дом, и машина, и будка на рынке, и немного денег в банке. Мамаша-то умерла очень кстати, помурьжить детишек своим вечным постельным режимом не успела.

Когда Лёва выговорился, я задал ещё парочку вопросов.

– Лёва, почему Оксана выбрала именно меня?

– Порылась в городской сети, искала частных сыщиков. Нашла ваш сайт, почитала отзывы клиентов, решила, что вы ей подходите. Или те отзывы писали вы?

– Почему Оксана подозревает убийство?

– Думает, что заказчик эсэмэски знал, что у мамыши приступы астмы на нервной почве. Уверена, что эсэмэску послали специально для того, чтобы мамашу заставить перенервничать по максимуму.

– Тогда это ваш знакомый. Он должен знать, что у мамыши приступы астмы на нервной почве.

– Или друг семьи, или кто-то из нас. Я или Оксана. Вы хотите сказать это?

– Заказать эсэмэску мог и тот шутник, что сообщил про бомбу в “Авоське”. Мог и я, который про бомбу в “Авоське” увидел по телеку, и решил послать эсэмэску вашей мамаше под видом того шутника-бомбера. Осталось найти мотив.

– Да вы – генератор версий! Есть ещё?

С минуту мои извилины скрипели, затем выдали на-гора ещё парочку вопросов. Вопросы я озвучил.

Почему, как только прочёл эсэмэску, Лёва сразу позвонил в милицию? Почему подумал, что в кровати бомба есть? Почему не засомневался? Почему не решил, что эсэмэска – это чья-то глупая шутка?

Лёва ответил, что тогда о глупой шутке не думал. Лёва испугался. Лёва прочёл в эсэмэске, что в кровати мамаша бомба. Как бы на его месте поступил я? Собрал на чаепитие семейный совет с повесткой дня “Что делать?”, или позвонил в милицию? С этими террористами, взрывами в маршрутках и бомбами в супермаркетах сейчас можно ожидать чего угодно.

Это позже до Лёвы дошло, что мамаша – не та мишень, ради которой будут закладывать бомбу. Но это было позже. А сразу после прихода эсэмэски Лёва без раздумий позвонил в милицию. Ведь совсем недавно, после случая с бомбой в “Авоське”, главный милиционер города просил в подобных случаях звонить в милицию без промедления.

Я продолжил вопрошать.

Как в кровать могли подсунуть бомбу? Как бомбу могли в дом принести? В дом может войти кто угодно, и сделать, что захочет?

Лёва ответил, что в тот момент в такие дебри не лез. У него в голове была только одна мысль: позвонить в милицию, и бомбу из кровати убрать. Да, теперь он понимает, что рядом с мамашей всегда была или сиделка Катя, или Оксана. В доме кто-то был всегда. Да, подсунуть бомбу в кровать практически невозможно. Разве что ниндзя под покровом ночи...

Лёвины фантазии я остановил жестом.

– Лёва, текст эсэмэски вы помните хорошо?

– В твоей кровати бомба. Сдохни!

– Вы не забыли? Там было сказано “в” кровати? Не “под”?

– Мне этот текст снится. Как я мог забыть?

– Почему в эсэмэске предлог “в”? Как бы вы сказали о бомбе в кровати мамаша: “под кроватью”, или “в кровати”?

– Это важно?

– Ну-ка, опишите кровать. На ножках, снизу открыта? То есть можно нагнуться, и посмотреть, что лежит под кроватью? Или можно увидеть, что прикреплено к кровати снизу?

Лёва описал мамашину кровать на словах, затем для наглядности нарисовал коробку, сверху которой матрац. Под такую кровать-короб не заглянешь, и не увидишь, есть там бомба или нет.

Я спросил, есть ли внутри кровати ящик для постели. Лёва кивнул, затем сказал, что с тех пор, как мамаша слегла, в тот ящик не заглядывали, ведь постель не прятали. Пока мамаша лежала на одном комплекте белья, сменный стирался-гладилась, затем убирался в шкаф. Постель постоянно разобрана, потому в ящичке нужды не возникало.

Я обратил внимание Лёвы на то, что ящик для постели – единственное место в кровати мамаша, куда можно спрятать бомбу. Но, – судя по рисунку Лёвы, – не подняв мамашу, в ящик для постели не заглянешь. Потому подсунуть бомбу незаметно для мамаша или для того, кто застилал постель, нельзя. Значит, бомбу – если она могла быть – мог подсунуть только тот, кто застилал мамашину постель. Или Катя, или Оксана.

Моя догадка вызвала у Лёвы улыбку из серии “Тоже мне, открыл Америку!”. Тех, кто мог подсунуть бомбу в кровать, Лёва вычислил ещё до того, как приехали сапёры. Сразу после звонка в милицию Лёва понял, что бомбу могла подсунуть как Оксана, так и Катя. Когда сапёры

бомбу не нашли, Лёва вздохнул с облегчением. До сих пор винит себя в том, что подозревал родную сестру.

Я подытожил: эсэмэску заказал тот, кто знал устройство мамшиной кровати. Заказчик эсэмэски наверняка в доме мамши бывал. Ведь он знал, что в мамшиной кровати спрятать бомбу есть куда, потому как кровать выполнена в виде ящика. Потому и написал “в кровати”, не “под”.

Знал заказчик и то, что заглянуть под кровать и узнать, есть ли под кроватью бомба, нельзя. То есть узнать наверняка, есть бомба или нет, невозможно. Значит, дети мамши вызовут сапёров, а это наверняка потреплет мамше нервы. Ведь не каждый день к ней в дом приезжают сапёры с собаками.

С другой стороны, заказчик мог с предложениями не церемониться. Может, для заказчика что “под кроватью”, что “в кровати” – одно и то же. Тогда я со своей догадкой пролетаю.

Напоследок я приберёг тот вопрос, который вертелся на языке с первых минут разговора с Лёвой.

– Лёва, мне показалось, что для сына, неделю назад похоронившего мать, вы выглядите не слишком траурно. Скажу больше: у меня такое впечатление, что смерть вашей мамши вас не тронула. Скажу ещё больше: мне кажется, что последним событиям в вашей жизни вы даже рады.

– Вы угадали. Я с мамшей не дружил. Хороший мотив, а?

– Это всё, что вы хотите рассказать о ваших отношениях с мамшей?

– Да.

– Тогда поехали к вашей сестре. Может, она расскажет больше.

Когда мы вышли из дома, я направился к своему джипчику, снял с сигнализации. Джипчик подмигнул габаритами. Лёва остановился, подарил мне взгляд, полный удивления.

– Ян, разве вы поедете на своей?

– Да.

– Я думал, что вас отвезу я. Потому и приехал на машине, а не просто позвонил. Когда с Оксаной поговорите, я вас домой отвезу, не волнуйтесь.

– Зачем вам палить лишний бензин?

– Да что тут палить? Мы ведь живём здесь рядом, в самом начале Конопатной. Седьмой дом.

Я поставил джипчик на сигнализацию, направился к зелёному жигулю-четвёрке, к которому подошёл Лёва. Пока топал, нашёл, о чём спросить Лёву ещё.

– Лёва, без мамшиных денег вы учиться дальше не сможете. Чем планируете заниматься теперь?

Лёва чуть переменялся в лице, потёр пальцем под носом. Лёва приготовился врать.

Я поощрил Лёву улыбкой простачка.

– Лёва, если говорить не хотите – не надо.

– Я планирую работать на рынке. Буду продавать джинсы в мамшиной будке.

– Почему мне кажется, что вы врётё?

Лёва пожал плечами.

*

*

Перед тем, как войти во двор мамши, я просунул голову в калитку, осмотрел ближайшие к воротам углы двора. Собачьих будок не заметил. Мудрость “Не верь глазам своим” я помню, потому спросил у Лёвы, есть ли во дворе собачки. К примеру, карманные доберманы, бойцовские болонки. Ведь частный дом обычно охраняют друзья человека, а хорошему кавказцу я на один зуб, и не подавится.

Лёва меня успокоил: мамша собак не любит. Вернее, не любила. Причём с детства.

Я осмелел, и до садового столика, что стоял под высоченным – метров семь-восемь – орехом, топал с гордо поднятой головой.

На столике лежал раскрытый ноутбук. За ноутбуком сидела девушка. Взгляд поверх экрана прямо мне в глаза. Таким взглядом меня оценивал врач медкомиссии перед тем, как признать годным к строевой службе. Судя по довольству, написанному на лице девушки, фейс-и боди-контроль я миновал без проблем.

Лёва представил меня девушке. Мне сказал, что передо мной Оксана, лёвина сестра и дочурка его мамы от того же отца, что и Лёва.

Оксана поднялась из-за стола. Не столько ради ритуала рукопожатия, сколько для того, чтобы показать свою фигуру.

Когда меня спросят, как выглядит Оксана, я скажу, что она красивая. Одному она покажется уродиной, другому тощей, третьему толстой коровой. Как по мне – так просто красивая девчонка в самом соку.

Я коснулся пальцами оксаниной ладони, имитируя рукопожатие, сел в указанное Оксаной кресло напротив. Лёва взял со стола бутылку минералки, отпил, фыркнул от удовольствия, предложил воды мне. Отхлебнуть живительной влаги, сдобренной лёвиной слюной, я отказался. Лёва пожал плечами, сказал Оксане, что в общих чертах мне всё объяснил, и что звать меня можно по имени, отчество втыкать всякий раз не обязательно.

Затем Лёва сообщил, что он своё дело сделал – меня привёз, и теперь отчаливает. Будет к восьми. Тогда и отвезёт меня домой. Лёва отхлебнул ещё с половинку литра минералки, зашагал к воротам. Через пару минут звук мотора жигуля-четвёрки затих вдали.

За те две минуты, что Лёва отчаливал, я успел услышать от Оксаны чуть не всю историю эсэмэски-убийцы, от момента прихода сообщения до минуты отъезда сапёров и кинологов с овчарками.

В конце рассказа Оксана пожаловалась, что милиция искать заказчика эсэмэски не рвётся. Оно и понятно: какая зарплата – такая и работа. Оксана хотела даже следователю заплатить, но побоялась. Милиции платить за поиски – сочтут взяткой. Потому Оксана и обратилась ко мне.

При всём своём многословии Оксана так и не сказала, зачем хочет найти заказчика эсэмэски. Когда я этот вопрос задал, Оксана чуть сузила глаза. Из-под длинных ресниц выстрелил такой выразительный взгляд, что мигом превратил симпатичную девчонку в злую кошку.

– Ян, нам надо определиться с понятиями. Мамашу заказчик эсэмэски убил. Потому будем говорить, что я нанимаю вас найти не заказчика, а убийцу.

– Зачем вам искать убийцу?

– Пусть его посадят. Мы из-за него потеряли мамашу. Теперь нам всё надо делать самим. А мы ещё не готовы. Мы можем так и разориться. Пусть его посадят, урода!

– И это всё?

– Мало? Ладно, скажу ещё. На нас косятся. Стали коситься после маминой смерти. Лёва говорит, что мне мерещится. Может, Лёва и слепой, но я вижу, как соседи стали шушукаться. Раньше такого не было. Да и на рынке знакомые смотрят косо. Но ведь мы ни при чём. Хочу, чтобы они знали, что эсэмэску заказали не мы.

– Это и есть моя задача?

– Да. Хочу, чтобы всё стало ясно. Я от подозрений устала. Я... я всё это время подозревала Лёву. А ведь он, в конце концов, мой брат. Я так жить не хочу. Ваша задача, Ян, очень простая. Всем должно быть всё ясно. Надо найти заказчика эсэмэски, и тогда...

– И тогда получится, как в том анекдоте: брилики нашлись, а подозрения остались. Шучу.

Оксана заметила, что шутки у меня невесёлые. Я поспешил перевести разговор в продуктивное русло. Я объяснил, что для того, чтобы найти не заказчика, а убийцу, надо как минимум

доказать, что заказчик эсэмэски был уверен, что эсэмэска вызовет у мамы такой мощный приступ астмы на нервной почве, что мамаша умрёт. Задача архисложная, мне не по зубам.

Максимум, на что я способен, это найти заказчика и доказать, что он послал эсэмэску. За хулиганскую выходку заказчику светит от силы пара лет. За убийство не посадят, ведь доказать убийство я не смогу.

Оксана думала аж минуту, затем кивнула.

– Ян, если не докажете убийство, то пусть будет хотя бы хулиганство. Если посадят хоть за это, и то слава богу. И потом, это отведёт подозрения от меня и Лёвы. Это важнее. Во сколько мне обойдутся ваши услуги?

– Сто баксов в день плюс расходы.

– Дороговато!

– Тариф висит на моём сайте. Прежде чем посылать за мной Лёву, надо было рассмотреть ценник.

– Могу вам выделить только тысячу.

– Как только ваши денежки закончатся, я работу прекращаю, где б я ни остановился. Идёт?

– А если вам, чтобы найти убийцу, не хватит двух часов – тоже остановитесь?

– Два часа вам подарю. Только деньги вперёд.

– Что так? Почему не аванс плюс расчёт в конце?

– Если убийцей окажетесь вы, то я очень сомневаюсь, что получу сверху аванса хоть копейку.

– Я – убийца. Прикольно! Мне попался суперсыщик! Далеко не ходит, ищет на месте. А если вы закончите сегодня?

– Остаток гонорара верну. В договоре это указано.

– Мы будем составлять договор? Зачем?

– Я плачу налоги, и сплю спокойно.

Я вынул из кармана сложенные вчетверо бланки типового договора, протянул Оксане. Оксана онемела. Когда обрела дар речи, спросила, мол, неужели я и вправду плачу налоги? Оксана думала, что частные сыщики налогов не платят. Они ж такие хитрые, смогут выкрутиться.

Я пояснил, что плачу налоги не потому, что меня заставляет государство. Мне приятно осознавать, что тот новый трамвай, что возит стариков-пенсионеров, куплен в том числе и на те деньги, что я заплатил в виде налогов.

Как я ни старался говорить доходчиво, объяснять на пальцах, Оксана так и не въехала, зачем платить налоги.

Я решил, что так дело оставлять нельзя.

– Оксана, как вы считаете, если налоги не платить, то за какой шиш страна будет содержать армию?

– Я – за мир. Я против насилия.

– Хотел бы я вас послушать, окажись вы сейчас в июне сорок первого. Когда на вашу мирную голову с ясного неба летит бомба, значок пацифиста вас не спасёт.

Оксана фыркнула, отмахнулась. Я признал своё поражение.

Я вписал в бланк предмет договора, адреса и телефоны сторон, указал сумму гонорара и условия возвращения остатка денег в случае, если следствие закончу до того как потрачу всю сумму. Оксана подмахнула договор не глядя, принесла деньги, отсчитала тысячу долларов, протянула мне. Я купюры пересчитал, вместе с моим экземпляром договора сунул в карман.

Со вздохом, полным грусти по отданным деньгам, Оксана подняла потухший взгляд на меня.

– Ян, с чего вы начнёте?

– С вас, Оксана. И с Лёвы. Вам перепал дом, банковский счёт, и доход с будки.

– Ян, на ваш взгляд будка на рынке и домик за двести тысяч – причина убить мамашу хорошая? К тому же если продадим дом, то жить нам негде. Так что...

– Вы можете купить отдельные квартиры. Так что подозреваю вас обоих до тех пор, пока не найду вам оправдание.

– Такое понятие как “презумпция невиновности” вам известно?

– Нет. С таким понятием надо идти в адвокаты. Я – сыщик. Это с другой стороны баррикады.

– Хорошо. Доказать, что мы невиновны и найти заказчика эсэмэски, и всё в одном флаконе... Так я даже сэкономлю. Только... Кажется, при фараонах того, кто обвинял другого в убийстве, но доказать не мог, казнили.

– Не знал. Закон отличный. Многим черноротым мог бы укоротить языки. Жить стало бы веселее. Учту.

– Ян, знаете новую истину? Покажи мне свой диск, и я скажу, кто ты. Недавно нашла в интернете. Прикольно, правда?

– Не столько прикольно, сколько правда. Вы нашли эту истину на моём сайте?

– И там тоже. В общем, мне скрывать нечего. Проверьте мой ноут, мобилку. Проверяйте всё, что хотите. Докажите, что мы не убийцы.

Затем Оксана сказала, что если следователь не ошибся, и эсэмэска заказана на сайте, то я могу проверить ноуты Оксаны и Лёвы, чтобы узнать, заходили ли мамашины детишки на тот сайт в день заказа эсэмэски.

Ещё Оксана читала в интернете, как попался не кто-нибудь, а целый мэр африканского города. На компьютере мэра секретарша нашла порнофильм. Секретарша копнула глубже, и на мэрском компе в журнале посещённых сайтов накопила полным-полно ссылок на порносайты. В общем, за аморалку мэра уволили.

Так что я могу порыться в ноутах Оксаны и Лёвы, и поискать доказательства невиновности мамашиних детишек.

После рассказа Оксаны о мэре в мыслях засела заноза из серии “просверлю тебе мозги”. Оформиться в нечто понятное заноза не пожелала, переросла в ощущение несоответствия чего-то каким-то нормам. Похожее чувство возникает, когда смотришь на розовый танк, и не можешь понять, что же в этой махине необычного.

Затем Оксана с улыбкой сообщила, что как только я проверю ноут Оксаны, то сразу начну подозревать Оксану в уничтожении улики. Почему? Оксана не так давно снесла на своём ноуте операционку, а вместе с ней стёрла и весь системный диск. Оксана ведь не знала, что мамаша скоро умрёт, причём при таких обстоятельствах. Знай Оксана такое наперёд, то к операционке бы и не прикоснулась!

Насколько недавно Оксана снесла операционку? Пару недель назад. В субботу. Где-то после двенадцати ночи, ближе к часу. Не спалось, операционка глючила, вот Оксана её – чик! – и перезаписала.

Оксана уточнила, что операционку перезаписала, а не переустановила. Мол, перезаписывать проще. Десять минут, и готово. Однажды знакомый поставил Оксане программу “Копидиск”, и с тех пор Оксана сносит операционку раз в месяц. На всякий случай, чтобы система лишней раз не глючила.

Лёва считает, что перезаписывать систему раз в месяц глупо. Лёва перезаписывает, когда операционка загрузится окончательно. Ну а Оксана не хочет дожидаться, когда система откажется работать. Потому и сносит систему регулярно.

На вопрос Оксаны, знаю ли, о чём речь, я ответил, что знаю. По взгляду Оксаны я понял, что собеседница сомневалась, что я вообще когда-нибудь слышал о суперпроге “Копидиск”.

Чтобы подтвердить свои слова, я рассказал, как работает “Копидиск”. Сначала юзер устанавливает операционку, драйвера, нужные программы. Затем запускает “Копидиск”. Прога копирует весь системный диск по секторам в один файл.

Когда юзеру надоедают глюки операционки, юзер запускает “Копидиск”. На этот раз юзер не системный диск копирует в файл, а копирует операционку из того файла, что создал ранее, на системный диск. “Копидиск” стирает системный диск, и записывает операционку. В итоге юзер получает свеженькую операционку со всеми драйверами и нужными программами. Как будто только что установил. Каждый месяц – новая система. И никаких глюков.

Когда я закончил, Оксана заявила, что я разбираюсь в компьютере отлично. Другими словами, Оксана уверена, что найти заказчика эсэмэски мне будет раз плюнуть. Раз уж я знаю, как работает “Копидиск”...

Пришлось сказать, что найти заказчика эсэмэски куда сложнее, чем разобраться в том, как работает простейшая прога копирования дисков. Мол, проги типа “Копидиск” сейчас знает половина первоклашек. Оксана не поверила, даже обиделась. Мол, её любимую и невероятно сложную программу первоклашки знать просто не могут! Тогда я вспомнил о такте и заткнулся.

Молчал я секунды две, пока в голове созрел следующий вопрос. Затем я спросил, когда Оксана перезаписала операционку. Дата “пару недель назад, в субботу” для меня слишком расплывчата.

В операционке есть масса мест, где можно установить время перезаписи системы с точностью до секунды, но я хотел посмотреть, обманет ли Оксана. Если скрывать нечего, то скажет правду. Если дату и время сноса системы исказит, то будет повод копнуть глубже.

Оксана бродила по закоулкам памяти с минуту. Я так и не понял, что там вспоминать такого, что понадобилась целая минута. Оксана даже начала загибать пальцы, словно считала дни.

Под конец минуты оксаниных воспоминаний я узнал, что Оксана перезаписала операционку на своём ноутбуке в субботу, шестого июня. После двенадцати ночи. Где-то в час. Точнее Оксана сказать не смогла.

Я сразу же захотел навесить всех собак на Оксану. Уж слишком близки друг к другу ключевые даты. Оксана снесла операционку в субботу, шестого. Эсэмэска мамаше пришла четырнадцатого, в воскресенье, всего через неделю. Есть ли какая-нибудь связь? Ведь если сносят операционку оксаниным “Копидиском”, то с системного диска стираются все файлы подчистую. Как невинные, так и файлы компромата. И всего через неделю мамаше приходит эсэмэска...

Мысль потекла бы и дальше, но я вспомнил, что прежде чем приписывать Оксане убийство мамы, не помешает разузнать об Оксане побольше.

– Оксана, у вас парень есть?

– Это так важно?

– К примеру, ваш парень – чудо природы неземной красоты, и вы за ним рванёте хоть на край света. Ради любви девушки готовы не только на убийство.

– Как неземная красота моего парня вяжется с убийством?

– Ваш Брэд Пит может быть нищим как бомж, но с амбициями мальчика с обложки. Вдруг он хочет денег? После смерти мамы вы могли бы домишко продать, денежки с братишкой поделить, и Брэда Пита озолотить.

Оксана повела плечами.

– Фантазия у вас, однако... Ни с кем я не встречаюсь. “Сингл вумен”. Одинокая девушка.

– Жаль. Стандартный мотив вам не пришлётся.

Затем я попросил Оксану показать мне кровать мамы. Оксана пригласила меня в дом. Я уже было собрался идти за хозяйкой, как вспомнил, что не мешало бы снять копию диска,

что в ноуте Оксаны. Процедура копирования пары сотен гигабайт – дело не минутное. Пока мы ходим-бродим по дому, глядишь, диск и скопируется.

Я объяснил Оксане, что изучать содержимое дисков оксаниного и лёвиного ноутов можно часами. Потому мне лучше взять с собой копии жёстких дисков, и без спешки изучить копии дома.

Оксане моя идея сэкономить время понравилась. Я получил добро на любые действия с ноутбуком Оксаны кроме тех, после которых из ноута идёт дым или вылетают запчасти.

Я пристегнул к ноуту Оксаны терабайтный внешний диск, который ношу с собой на всякий пожарный. Через полминуты я запустил посекторное копирование жёсткого диска Оксаны в файл на моём диске. Ещё через полминуты я вслед за Оксаной вошёл в дом.

Оксана провела меня в уютную комнату с полуторной кроватью, шкафом для белья, и трельяжем.

Оксана обвела комнату рукой.

– Это спальня мамы. Мы здесь почти ничего не трогали. Разве что навели небольшой порядок. Бабушкину спальню тоже не трогали. Всё руки не доходили. А теперь как-то страшно за это братья. Две смерти подряд...

Я рассмотрел кровать. Как и описывал Лёва, кровать походила на огромный короб с матрасом сверху. В ящик для белья, что внутри короба, можно не то что бомбу – арсенал запихнуть, и снаружи не догадаются.

Как и описывал Лёва, под кровать не заглянешь, и не увидишь, есть ли под ней бомба. Даже если засомневаешься, что в кровати бомба, то не проверишь, пока не придут сапёры, если ты не смертник. Ведь взрыватель мог быть настроен на снятие мамы с кровати, а не сняв мамашу, кровать не откроешь, внутрь не заглянешь и не увидишь – в ящике для белья лежит бомба или рваная грелка. Потому сапёры Лёве по телефону и приказали к кровати не прикасаться, мамашу не поднимать.

В двух словах я объяснил Оксане свои соображения по поводу текста эсэмэски. Оксана подтвердила, что в тексте сообщения говорилось о бомбе “в кровати”, не “под”, и не “за”. Вместе мы заключили, что такой текст мог написать только тот, кто кровать мамы видел, в спальне мамы бывал.

Кто мог видеть кровать мамы? Вопрос я озвучил. Оксана сделала такие глаза, что я понял: круг подозреваемых не велик, а огромен. Тогда я перешёл к уточнениям.

Я попросил Оксану вспомнить, приходил ли к мамаше в гости Серый, мамашин конкурент – тот, чья будка на рынке напротив мамашиной, и тот, кто очень хотел мамашину будку выкупить. Если Серый к мамаше заглядывал, то где с мамашей встречался: на кухне, в коридоре? И напоследок: видел ли Серый мамашины приступы астмы?

Оксана рассказала, что Серый приходил к мамаше дважды. Оба раза гостя приглашали в спальню. Когда разговаривал с мамашей, сидел на стуле рядом. Мамашины приступы астмы видел.

Я чуть поскрипел извилинами, затем сказал, что к Серому у меня возникла пара вопросов. Почему? Серый знал, что под мамашину кровать не заглянешь и не проверишь, есть ли под кроватью бомба.

Кроме того, у Серого есть мотив: мамашино упорство Серому мешало жить. Ведь мамаша продавать будку отказывалась. А Серому мамашина будка нужна, ведь Серый приходил к мамаше дважды, и всё с одним и тем же желанием купить будку.

К тому же Серый видел мамашины приступы астмы. То есть знал, что один хороший приступ, и...

Одна загвоздка: откуда Серый знал, что после эсэмэски мамаша умрёт наверняка? И зачем Серому убивать мамашу, если Оксана и Лёва могут так же, как и мамаша, Серому отказать, и будку не продавать? Я оставил эти вопросы до встречи с Серым, Оксане не озвучил.

По взгляду Оксаны я понял, что мои доводы против Серого Оксану не только не убедили, а и в некоторой степени насмешили. Мол, сыщик из меня клёвый: ищет где попало, только не там, где надо.

Чтобы Оксану рассмешить поболее, я переключился на Димона, мамашиного реализатора. Тут Оксана не выдержала, тон приподняла.

– Смеётесь?! Зачем Димону убивать мамашу? Ведь она давала ему работу. Уж Димону-то зачем? О, боже!

– Димон мог мамашу обкрадывать, а чтобы скрыть следы воровства, мог послать эсэмэску. Мамаша, которая уличить в воровстве могла, умерла. Концы в воду. Вам, как желторотикам от торговли, Димон может навесить на уши лапши столько, что не спасёт и лапшерезка.

– Блин, я об этом не подумала...

Оксану захлестнула волна восхищения нанятым сыщиком. Или то была волна самолюбования? Мол, вот какая я умница, какого сообразительного наняла сыщика!

Пока Оксана пребывала в эйфории, я задал те же вопросы о Димоне, что задавал о Сером.

В ответ узнал, что когда Димон приходил с отчётом об успехах в торговле, то заходил – как и Серый – прямо в спальню мамашы. То есть кровать-короб видел. Мамашины приступы астмы Димон знает не понаслышке, видел их каждое воскресенье, а это куда больше, чем Серый. К тому же мамаша Димоном была не очень довольна.

На мамашино недовольство Димоном я обратил оксанино особое внимание. Димон мог мамашу не обкрадывать, и эсэмэску с прицелом на убийство не заказывать. Мог подкинуть обыкновенную подлянку, как делает рядовой мелкий пакостник. Мол, а пошлю-ка я этой вечно недовольной хозяйке эсэмэску. Авось попорчу ей нервишек-то, заразе!

Последняя версия Оксане понравилась больше, чем та, в которой Димон выступал мелким воришкой. В награду Оксана подарила мне улыбку восхищения в стиле “молодец, но это пока невнятные домыслы”.

Я попросил у Оксаны номера телефонов Серого и Димона. Получил и то, что просил, и объяснение в пошаговом режиме, как найти будку номер сто на вещевом рынке “Южный”, где торгует джинсами Димон. Будка Серого напротив. Вдобавок я узнал, что у Димона золотая фикса и косой левый глаз. Так что смотреть лучше в правый.

Затем Оксана устроила мне экскурсию по дому.

В первую очередь мы заглянули в соседнюю комнату. До одиннадцати утра двадцать седьмого апреля в той комнате обитала оксанина бабушка. Кровать, книжный шкаф, комод, письменный стол – вот и всё убранство. Интересного в комнате бабушки я не увидел.

Следующей стала комната Оксаны. Что можно сказать о комнате девятнадцатилетней студентки? Всё как в комнате бабушки, только всё в розовом, мебель посовременнее, да плюс музыкальный центр с караоке и плакаты кинозвёзд в полстены.

В комнате Лёвы мебель выглядела построже, розовым цветом не пахло, на столе лежал ноутбук, под потолком раскинула лапы огромная люстра в стиле “привет из восьмидесятых”, на стене вдобавок к книжному шкафу висела книжная полка. Как шкаф, так и полка могли похвастать морем книг с цветастыми корешками и журналов типа “крутые мужики покупают вот это, вот это, и вот это – вот и всё, о чём тебе расскажет эта сотня страниц рекламы”.

На стене в комнате Лёвы тоже висели плакаты, как и у Оксаны. Если у Оксаны с плакатов смотрели кинодивы и киномены, то с лёвиных плакатов смотрел только один мужик в поварском колпаке поверх седин. Мужик стоял на фоне то круассанов, то средневекового здания с толпой поварят на ступенях, то Эйфелевой башни. Мужик улыбался во все фарфоровые тридцать три, и, судя по глазам, явно что-то предлагал к продаже.

Оксана мой взгляд перехватила, улыбнулась как сестра, что приготовилась рассказать о бесполезном, но любимом занятии любимого брата.

– Ян, знакомьтесь, это – лёвин розовый сон. Лёва у нас кулинар. Мечтает стать шеф-поваром планеты. Бредит господином Дидье.

Я состряпал улыбку трёхлетнего малыша, которому рассказали об устройстве синхрофазотрона.

– Дидье – это кто?

– Мсье Дидье – кулинар планеты всей. Мастер круче неба, победитель всех конкурсов, великий учитель всех кулинаров. У мсье Дидье своя школа. Там он куёт кулинарные кадры для крутых ресторанов. Лёва мечтает у мсье Дидье учиться.

Я наострил уши.

– Оксана, ну-ка просветите. Учиться у мсье Дидье надо во Франции?

– Не в России же! Конечно, во Франции. В Париже.

– Где Лёва собирался взять деньги на учёбу?

– Я же сказала, что мсье Дидье – лёвин розовый сон. Такие сны не сбываются. У Лёвы таких денег нет.

– Почему же? Теперь у Лёвы деньги есть. Его половина от продажи этого дома. Думаете, не хватит?

– Заметьте, это сказали вы. Я этого не говорила.

Оксана приняла вид сестры, брата которой пытаются оговорить.

Я подошёл к ближайшему плакату с мсье Дидье на фоне аппетитных круассанов, присмотрелся к мелким буквам в углу плаката. Английским по черному мелкий шрифт сообщал адрес, телефон и сайт типографии в Париже. Рекламные слоганы на плакате французского кулинара также кричали по-английски. Значит, школа у мсье Дидье международная, не только для французов. То есть дорогая.

Мне стало интересно, как у Лёвы оказались рекламные плакаты, отпечатанные в Париже. На стенах домов да на заборах таких плакатов я не видел. Значит, Лёва со школой Дидье списывался, и насчёт учёбы расспрашивал. В таких случаях потенциального клиента рекламой заваливают. Плакаты Лёве наверняка выслали прямо из школы мсье Дидье.

Если Лёва с командой Дидье списывался, то просмотр лёвиной почты мог дать массу полезной инфы. Мне аж засвербело скопировать содержимое диска лёвиного ноута.

Перед тем как покинуть комнату будущего Главного Кулинара Планеты, я осмотрел лёвину книжную полку. Скажи мне, что ты читаешь...

Основную часть полки занимали учебники по кулинарии, поварские книги, толстые книги рецептов. Нашлось место даже для стопки копеечных журнальчиков типа “жарим, шкварим, куховарим” с рецептами, присланными читателями со всех концов страны. В центре полки стояла культовая “Книга о вкусной и здоровой пище” пятьдесят третьего года выпуска. Такая есть и у меня. Раритет. Не книга – сказка.

В углу полки из дружной кулинарной семьи выбивались три книжицы: самоучитель французского, разговорник французского, и словарик того языка, на котором общаются по обоим берегам Сены.

На вопрос, какой язык Лёва изучал в школе, Оксана ответила, что английский. Я подумал: это ж как надо рваться на учёбу к мсье Дидье, чтобы начать изучать новый иностранный язык! И как надо быть уверенным в том, что дорогая учёба в Париже – дело реальное, а не сон из числа розовых. Иначе зачем учить язык?

Я перевёл взгляд на грамоты, что висели под книжной полкой. На грамотах я успел прочесть только лёвино имя, когда Оксана заговорила с усмешкой в голосе.

– Это лёвины. Он у нас был спортсменом. У вас на лбу написано, что вы не верите. Что, не похоже, чтобы Лёва любил спорт?

– По животу вашего брата я бы сказал, что Лёва больше любит покушать.

– До круассанов Лёва обожал спортивное ориентирование. Лет пять назад оббегал все леса вокруг Андреева. Знаете, что такое спортивное ориентирование?

– Знаю, потому и удивился. Это когда тебе дают карту с контрольными точками, и компас. Ты должен пробежать маршрут быстрее и точнее всех. По лесу, по оврагам и буеракам, и так много километров подряд.

– В общих чертах правильно. Наш Лёва однажды даже получил золото на первенстве Андреева.

– Кто бы мог подумать!

С улицы послышался звук мотора, скрип тормозов. Оксана сказала, что так скрипят тормоза лёвины. Оксана этот звук отличит от тысячи подобных. Мы отправились во двор.

Пока я отстёгивал от ноута Оксаны мой внешний винчестер, Лёва загнал машину во двор, закрыл ворота.

Я попросил у Лёвы снять копию с жёсткого диска лёвиного ноута. Объяснил, зачем. Добавил, что копию диска с ноута Оксаны я уже взял. Лёва воспринял мою просьбу не без удивления. Оксана меня поддержала: сказала, что снять копии дисков предложила она, и что невиновность мамашиних детишек с копиями дисков я докажу быстрее.

Лёва пригласил меня в свою комнату. Оксана сказала, что останется во дворе, потому как у Лёвы ноут под паролем, и Лёва не переживёт, если Оксана пароль узнает. Когда я с Лёвой входил в дом, Оксана с усмешкой бросила нам в спину, что Лёва трясётся над своим паролем как Кашей над иголкой. Лёва отмахнулся.

Пока шли к комнате, Лёва вслух поражался женской глупости. Это ж надо – ноут держать без пароля! Да у Оксаны с головой непорядок, вот что Лёва об этом думает. Если ноут без пароля, то всяк придурок может в твой ноут влезть, и натворить таких делов, что потом не разгребёшь вовек!

Затем Лёва взял с меня клятву пароль от лёвиного ноута не разглашать. Хорошо, хоть не потребовал клясться на крови.

Мой внешний диск Лёва подключил к ноуту сам. До сих пор удивляюсь, как Лёва тогда не сказал нечто вроде: “Вдруг у тебя руки растут не из плеч, ещё чего сломаешь... знаем мы вас, спецов широкого профиля!”.

Когда Лёва включил ноут, на экране появилось поле для ввода пароля. Лёва предложил мне ввести пароль под диктовку. Я коснулся пальцами клавиатуры. Лёва понизил голос, чуть не шёпотом продиктовал по буквам: “с-е-к-р-е-т-н-ы-й-п-а-р-о-л-ь-л-ё-в-ы”.

Я чуть не сел прямо на пол.

– Лёва, круче этого пароля только фамилия, имя и отчество владельца ноута. Да ещё дата рождения.

– Зато никто не догадается. Вот вы догадались?

– Нет. Кто знает пароль?

– На то он и пароль, чтобы его никто не знал.

– Вы уверены, что другим пароль не говорили? Может, записывали на бумажке, чтобы не забыть?

– Что в нём забывать? Почему вы спрашиваете?

– Чтобы вы не смогли кивать на другого, если я найду на вашем ноуте улику против вас. Мол, я ни при чём, мой пароль знали ещё сто человек.

Взгляд Лёвы показал, что я наверняка болен, раз надеюсь найти на лёвином ноуте улику против Лёвы. Затем Лёва сказал, что при наборе пароля надо включить английскую раскладку, и набирать символы в нижнем регистре, и без пробелов.

Я ввёл пароль, вошёл в систему, запустил посекторное копирование содержимого лёвиного винчестера на мой внешний диск.

Лёва жестом попросил меня из комнаты вон.

По пути к выходу из дома Лёва хлопнул себя по лбу.

– Ян, я совсем забыл! Вы когда собираетесь домой? А то в восемь у меня по расписанию приём душа. Это надолго, а я обещал вас отвезти домой.

– Я прогуляюсь пешочком. Здесь идти-то пятнадцать минут. Будет вечерняя прогулка перед сном.

– Ну, дело ваше. А то я выйду аж через полчаса.

– Полчаса под душем?! Не раскиснете?

– В такую жару душа много не бывает.

Напоследок я попросил Лёву попозировать перед камерой моего мобильного. Причину я указал самую невинную: вдруг Лёву захотят опознать свидетели того, как Лёва заказывал мамаше эсэмэску-убийцу, а у меня лёвиной фотки под рукой не окажется.

Лёва закатил глаза в стиле “господи, вот уж повезло мне с этим сыщиком, мать бы его...”, но сфотографироваться в фас и профиль согласился. С должным терпением отпозировал на две фотки, после чего удалился в ванную.

Я вышел во двор, к Оксане. Пока не забыл, предложил Оксане устроить фотосессию. Причину указал ту же, что и Лёве. Оксана согласилась с радостью, принялась застывать в соблазнительных позах. Вместо съёмок шикарной фигуры в полный рост я ограничился портретом, но Оксане об этом не сказал.

После фотосессии я задал Оксане тот же вопрос, что и Лёве. Очень уж этот вопрос вертелся на языке.

– Оксана, ваша мамаша умерла всего неделю назад. Почему мне кажется, что вы не в трауре?

– Я с мамашей не очень-то дружила.

Оксана улыбнулась, как улыбаются, когда хотят сказать: “Чувак, эта тема закрыта, и баста!”. Я подумал, что семейка мне попала славная. Мамаша с детишками носилась как с писаной торбой, а детишки с мамашей в благодарность “не очень-то дружили”.

Я решил, что пришла пора сматывать удочки.

– Оксана, я хочу встретиться с Катей, сиделкой вашей мамашы.

– Зачем?

– Сиделка может рассказать такое, что хозяева скроют, а мне важно для поисков. Закон жанра.

– Что такого могла видеть Катя, чего не могли мы?

– Каждый человек смотрит на мир по-своему. Я вижу одно, а, к примеру, неаполитанец заметит, что в вашем доме на полу слишком много ковров.

– Как у всех. Разве больше?

– Полы в Неаполе застилают плиткой. Летом там жарко и без ковров. Ковры только собирают пыль.

– Хорошо, это неаполитанец. Он не русский. Вот вы – наш. Что в нашем доме увидели вы? Что увидели такого, на что мы не обращаем внимания?

– Пыль. Там пора пройтись по коврам пылесосом.

– Наблюдение не такое уж и тактичное.

– Вы спросили – я ответил. Так где живёт Катя?

Оксана сказала, что Катя живёт рядом, через три калитки. Только по вечерам катин отец сидит дома. Папаша у Кати со сдвигом. Когда рядом с Катей парень, папуля бесится. Уверен, если Катя уже в шестнадцать лет начнёт таскаться по мужикам, то станет шлюшкой. Оксана Кате не завидует. Бедная девчонка, так никогда и не погуляет. Так что я с Катей не поговорю. Папаша не разрешит. Не пустит меня и на порог.

Я чуть было не пригорюнился, как Оксану осенила идея. Что, если поговорить с Катей не под надзором отца, а в доме мамашы? Мол, Оксана может пригласить Катю в гости на пол-

часика. Я проголосовал “за”. Оксана позвонила Кате, позвала на чашку чаю. Катя согласилась прийти минуты через три.

Пока Катя шла в гости к соседке, я взял у Оксаны номера мобилок Лёвы, Оксаны и мамыши. Заодно узнал, что трубку мамыши изъяла милиция. Следователь сказал, что мобилка нужна в качестве вещдока. С изрядной долей издёвки в голосе Оксана поведала мне, что у следователя такими вещдоками наверняка снабжена вся родня. Мол, трубка у мамыши была не из дешёвых, так почему бы не изъять в качестве вещдока?

Со стороны дома донеслась трель звонка. Оксана обронила: “Наверное, это Катя”, пошла открывать.

На тот момент убийственных улик как против мамышиных детей, так и в их защиту я не нашёл. Понадеялся на Катю. Сиделка – это всегда кладёзь инфы. Горничные, садовники, сиделки, соседи всегда рассказывают то, что вытягивает следствие из тупика буквально за уши. Потому надежд на Катю у меня было выше крыши.

*

*

Когда я Катю увидел, то подумал, что кого как не Катю мамыша могла нанять сиделкой. Девчонка рослая, крепко сбита. Как для шестнадцати лет, то акселератка ещё та. Такая мешок муки с рынка домой пешочком притаранит, и не вспотеет. Такой крепышке в самый раз ухаживать за паралитиком, ведь расслабленное тело передвигать по кровати – занятие не для задохликов.

Пока я разглядывал Катю, Оксана извинилась перед гостьей за то, что не назвала причину приглашения. Объяснила, что побоялась длинных ушей катиного отца. Если бы отец Кати услышал, зачем Оксана Катю приглашает, то мог бы не пустить. Ведь папаша мог стоять с Катей рядом, а динамик катиной мобилки мог заговорить так громко, что разговор услышал бы катин отец.

Катя выслушала длинные извинения Оксаны, улыбнулась, проговорила: “Да ладно, всё нормально”. Затем Оксана представила Катю мне, меня – Кате. Ещё с минуту Оксана объясняла Кате, что мне можно говорить всё, и желательно не врать. Мол, что-либо скрывать неумно, потому как я рано или поздно узнаю всё. Враньём же, пусть даже во благо, Катя навлечёт на Оксану с Лёвой лишние подозрения. Катя пообещала говорить правду, только правду, и ничего кроме правды.

Оксана оставила меня с Катей во дворе, отправилась в дом. Перед уходом сообщила, что в доме наш разговор не слышен. Так что мы можем говорить без опаски. Подслушать нас не смогут. Если сомневаемся, то можем проверить, Оксана только “за”.

Когда Оксана наконец умотала, Катя вздохнула с немалым облегчением, села в кресло, выбила ногтями по подлокотникам хитовую мелодию.

На шее Кати я заметил розовый плеер-брелок в виде сердечка. “Розовое сердце”. Хит сезона. Такой же я искал подружке. Сбился с ног. Нашёл только в “Женских штучках”. Купил одним из первых в городе. Очередь занимал чуть не с ночи. Подружка, когда я подарил ей дефицитнейшее “Розовое сердце” ценой в двести баксов, от восторга поклялась любить меня до гроба, только не уточнила, до чьего.

Катя мой взгляд, упёртый в “Розовое сердце”, перехватила, улыбнулась, погладила плеер пальцем.

Первое слово взял я.

– Катя, да ведь у вас – хит сезона! Я еле купил. Оббежал все магазины. Очередь занимал за неделю.

– А я купила легко. В... в “Терабайте” этих плееров навалом.

– Да? Не знал. А вы покупали когда? Может, сейчас эти сердечки уже не в дефиците?

– Я покупала две недели назад, восьмого числа. Тогда вроде не видела никакого дефицита.

– Хм... Не знал, что в “Терабайте” они тогда были.

– Полным-полно.

Я улыбнулся. Может, для Кати восьмого июня в “Терабайте” розовых плееров было и навалом, и полным-полно. Вот только для меня в тот день и раньше в “Терабайте” этих плееров не то что навалом – не завалилось ни единого. Я был так уверен том, что Катя соврала, что мог дать на отсечение руку врага. Свою руку я не даю, а то вдруг ошибусь...

Как это “навалом”?! Как это “полным-полно”?! Такими плеерами во всех андреевских магазинах на тот момент и не пахло! Тогда пахло дефицитом “Розовых сердец”, как в старые добрые времена застоя. Единственную партию розовых плееров в двадцать штук – на весь Андреев! – завезли в “Женские штучки” восьмого июня, в тот день, когда плеер купил я. В “Терабайте” восьмого июня таких плееров не было и в помине.

В воскресенье, седьмого июня, я обзвонил все магазины Андреева, где продаются подобные электронные штучки. Крупные магазины наподобие “Терабайта” я не обзванивал, а обошёл ножками. Везде мне сказали, что первую партию хитовых плееров завезут не раньше конца июня. “Розовые сердца” только-только завезли в Москву, что уж тут говорить о периферийном Андрееве!

В то же воскресенье, седьмого июня, поздно вечером, мне звякнул знакомый. Сказал, что “Розовое сердце” завезут назавтра с самого утра в “Женские штучки”, что на углу Никольской и Наваринской. Сколько плееров завезут, и достанется ли мне хоть один, знакомый не сказал. Хватит с меня и того, что по моей просьбе парню пришлось поднять на уши всех друзей-товарищей, потому как я слёзно молил узнать, где достать хитовую вещицу, от обладания которой моя подружка изойдёт кипятком.

Как в условиях жесточайшей нехватки “Розовых сердец” Катя смогла купить свой плеер “легко”, да к тому же в “Терабайте”?

Вопрос с приобретением дефицитного плеера я отложил за ненадобностью. Ведь поговорить с Катей я хотел не о плеере, а о мамаше.

Я спросил, не заметила ли Катя в доме мамаша чего-нибудь странного. К примеру, того, что годами не замечали Оксана и Лёва, считали нормальным, а Кате, как человеку со стороны, бросилось в глаза. Отвечать на вопрос Катя не поспешила. Пару минут копалась в памяти, затем мотнула головой: мол, ничего такого не припоминает.

Скандалов Лёвы и Оксаны с мамашей Катя не слышала. Угроз в адрес мамаша в присутствии Кати не звучало. В последнее время мамаша о чём-то особенном не волновалась. Всё как обычно. Да, торговля из-за недалёкого Димона не шла. Да, с деньгами у мамаша началась напряжёнка. Да, нормального реализатора мамаша найти не могла. Да, мамаша из-за хиреющего бизнеса нервничала. Но чтоб до смерти...

Весь разговор Катя называла мамашу “мамашей”. Не по имени-отчеству, не – к примеру – тётей Ниной, а мамашей. На вопрос, почему постороннюю женщину Катя величает столь фамильярно, Катя ответила, что за глаза мамашу так называет всё окружение мамаша, включая детишек. И ничего тут фамильярного нет. Вполне доброе и беззлобное прозвище.

Мамашу назвали мамашей соседи-торговцы на рынке. Мамаша носилась со своими детишками, как насадка с цыплятами. Назвали мамашей, потому как не называть же насадкой! Так и прилипло.

Из интересного для следствия Катя рассказала, что мамаша принимала снотворное на ночь и иногда днём, после сильных приступов астмы. Как эту инфу использовать, на тот момент я не знал.

Затем я задал вопрос, ответ на который мог пополнить мой список подозреваемых.

– Катя, у вас молодой человек есть?

– Есть.

– Как же вы с ним встречались, если с утра до позднего вечера сидели с бабушкой Лёвы?

– Вот так и встречалась. Никак.

– Другими словами, смерть бабушки помогла вам встречаться с вашим парнем чаще?

Катя сузила глаза.

– Вы на что намекаете? Что я бабушку... А, поняла! Вы хотите сказать, что я не только бабушку, но и мамашу... Вы хоть думаете, что говорите?!

– Пытаюсь.

– Вам Оксана говорила, что с мамашей я сидела не весь день, как с бабушкой, а только несколько часов?

Катя повторила историю, что рассказал Лёва. Мол, когда мамаша слегла, а реализатор Димон оказался бараном, денег на зарплату сиделке стало намного меньше. Мамаша начала экономить. Если для бабушки мамаша нанимала Катю на весь день с раннего утра и до позднего вечера, то для себя мамаша нанимала Катю по часам. Два часа отсидела – за два часа получила.

Обычно Катя сидела с мамашей до того, как Оксана возвращалась из колледжа. Затем за мамашей приглядывала Оксана. Нет, Оксана не сидела возле мамы с момента прихода из колледжа и до ночи. Оксана могла делать уроки, торчать с интернете, болтать с подружками по телефону. Когда надо, мамаша звала Оксану колокольчиком, что специально купили в рыбацком магазине. Или набирала на мобилке номер Оксаны, и тогда Оксана шла к мамаше на вызов.

Историю своих посиделок с бабушкой и мамашей Катя рассказывала с вызовом в голосе. Мол, как я смел подумать, что Катя могла приблизить смерть бабушки и мамы?! И ради чего? Только из-за того, что посиделки в семье мамы отнимали у Кати время, которое она могла потратить на гулянки с парнями? Ладно ещё, когда Катя сидела с бабушкой с утра до ночи. Но с мамашей-то Катя сидела не целый день. А по воскресеньям – так и вовсе до обеда.

Чтобы не расстраивать Катю ещё больше, я не сказал, что в число возможных заказчиков эсэмэски входит ещё и катин молодой человек. Кому-кому, а катиному возлюбленному как бабушкина, так и мамашина болезни с Катей встречаться ой как мешали. Катиного молодого человека я приберёг на тот случай, если поиски заказчика эсэмэски зайдут в тупик. Всё-таки мотив для убийства у парня хлипковат. С другой стороны, сейчас убивают и за пачку сигарет.

Для себя я отметил, что отцовский запрет на встречи с парнями Катя ухитрилась нарушать. Стало быть, любовь-морковь для Кати кое-что да значит. То есть, при необходимости, Катя могла ради парня рискнуть. Это ли не прекрасный повод записать Катю в число возможных заказчиков эсэмэски?

К исходу тринадцатой минуты разговора с Катей я признал, что допрос провалился. Мои надежды на ценную инфу от незаинтересованного человека не оправдались.

На прощание я попросил у Кати номер телефона. Просьбу Катя выполнила с условием: когда я позвоню, и трубку поднимет катин отец, я должен сказать, что ошибся номером. Иначе Кате будет что послушать на ночь вместо колыбельной. Ведь папаша у Кати заботливый: от ухажёров, тем более с голосом взрослого мужчины, оберегает.

Фотосессию я Кате не предлагал. Щёлкнул мамашину сиделку без спроса. Пока беседовали, я вертел мобильник в руках вроде бы безо всякой цели. Когда объектив камеры смотрел на Катю, я пару раз нажал на кнопку. Фотомодель не догадалась, что когда крутила головой, то в памяти моего мобильника оставила и фас, и профиль.

Когда я с Катей распрощался, и Оксана гостью провела до ворот, из дому вышел Лёва. Принёс резкий запах детского крема и мой внешний диск. Сказал, что копирование закончилось, и он с предельной аккуратностью отстегнул мой диск от своего ноута. Ноут вроде бы не повредил.

К нам подошла Оксана. Повела носом, поморщилась, выказала неодобрение громким хмыканьем.

– Лёва, ты бы торчал в душе не полчаса, а час-два. Тогда твоя кожа высохнет полностью. И никакой детский крем не поможет. Ты посмотри, что ты с собой творишь! Руки шелушатся, как у лишайного.

От Оксаниных слов Лёва отмахнулся, словно годами слушать одно и то же устал. Оксана напомнила, что Лёва выбросил кучу мамашиных денег на дорогие буржуйские кремы. Лёва парировал: так то было сто лет назад, и Лёва уже давно понял, что лучше нашего детского крема ничего нет, ведь цена – копейки, а эффекта на рубль.

Я поспешил откланяться. Оксана провела меня до ворот, сказала: “Жду результатов”, заперла за мной калитку, затем продолжила во весь голос распекать Лёву за транжирство мамашиных денег. Лёвиного ответа я не расслышал, потому как Лёва говорил куда тише Оксаны, а я успел от мамашиного двора удалиться.

Домой я шёл вразвалочку. Вечер выдался красивый и не жаркий. Грех было не прогуляться перед сном, не подышать свежим воздухом. Всё же не центр города с его гарью-копотью и рёвом моторов, а частный сектор с запахом цветов, зелёной листвы, и тьявканьем дворовых шавок.

По пути домой я расслабился, слился телом и мыслями с тёплым вечером. Думать решил дома, после того как прогуляюсь по копиям дисков, что я снял с ноутов мамашиных детишек. Уж где-где, а на дисках я собирался найти инфы по делу куда больше, чем в предвзятых ответах Лёвы, Оксаны, и Кати.

*

*

Дома перед душем я позвонил телефонисту. Парень работал в техподдержке оператора, за которым числился номер мобилки мамы. За копейку телефонист для меня узнавал то, что бесплатно узнаёт у оператора следователь казённый. Только следователь обязан предъявить кучу бумажек типа постановления суда, а я получаю инфу всего за одну бумажку – купюру, желательнее покрупнее. Законного тут мало, каюсь.

Когда наконец до телефониста дозвонился, я продиктовал номер мамашиной мобилки, примерное время прихода эсэмэски и её текст. Я попросил узнать, откуда пришла эсэмэска. Телефонист назвал сумму выкупа инфы. Я потёр затылок, пожадничал, но согласился. Телефонист сказал, что он не на работе, но нам поможет его кореш, который как раз на смене. Пообещал не затягивать. Я попросил незатягивание ускорить. В ответ получил удвоенную сумму выкупа инфы. Я согласился с прежними условиями.

После душа я засел за чай, принялся раскладывать по полочкам то, что узнал. Не успел я раскопечгарить дедукцию Великого Сыщика, как вдруг понял, что за заноза из серии “про-сверлю тебе мозги” засела в мыслях, когда Оксана рассказала про африканского мэра.

Со слов Оксаны, славного чернокожего парня с поста мэра уволили за аморалку. В Африке, стране развитого секса, человека уволят всего лишь за просмотр порносайтов? Да на тех порносайтах всего и аморалки-то, что каждый африканский ребёнок видел по сто раз ещё до школы. За такое в Африке наверняка не увольняют. За что же уволили мэра?

Я вышел в интернет, на любимом поисковике вписал в строке поиска “мэра уволили за просмотр порнухи на рабочем месте”. Поисковая фраза не ахти какая оптимальная, но даже на неё поисковик уже на первой странице выдал то, что я искал.

Оказалось, африканский мэр в своё время прогремел на весь интернет.

На одних сайтах писали, что мэра уволили за аморалку. На других сайтах вскользь упоминали о том, что мэра уволили за рабочее время, которое мэр тратил на брожения по порносайтам.

Я решил узнать, как определили, сколько времени проводил мэр на порносайтах. Я копнул интернет чуть поглубже, заглянул на англоязычные сайты. То, что искал, нашёл за три

минуты. Как я и предполагал, мэра вычислили не по ссылкам, что нашли в списке посещённых сайтов на компьютере мэра.

Мэра вычислили по файлам-отчётам на сервере провайдера, которые положено хранить бог знает сколько лет. В тех файлах прочли, когда и сколько времени мэра зависало на каких сайтах. Когда подсчитали, то вышло, что на порнушку мэра тратил больше половины рабочего дня. Народ задал вопрос: за что платим мэру жалование? За безделье, за битые баклуши на рабочем месте? Народ решил лентяю уволить. И вовсе не за аморалку.

На радостях – наконец вырвал занозу из мозга! – я принялся насвистывать “Рио-Риту”. Пока свистел, пристегнул к компу внешний диск с копиями винчестеров Оксаны и Лёвы.

Особого смысла искать улики в ноутах Оксаны и Лёвы я не видел. Ведь только дурак станет заказывать эсэмэску-убийцу со своего ноута. С другой стороны, как Лёва, так и Оксана могли и не знать, как легко найти компьютер, с которого заказана эсэмэска. Я понадеялся на авось.

Наверняка эсэмэску заказали в каком-нибудь неткафе, как и сказал мамашиним детишкам следователь. В милиции сидят далеко не дураки, им не верить глупо. Разве что проверить... Ведь ошибиться могут и умные.

Лёва или Оксана могли заказать эсэмэску через сайт, на котором сетевой адрес комп-отправителя можно подменить любым другим. В таком случае следователь и его эксперт могут и фразернуться. Тогда как раз и скажут с уверенностью, что эсэмэска заказана из неткафе. И в мыслях не допустят, что эсэмэску заказали с домашнего ноутбука, а сетевой адрес компа подменили. Заказчик же будет потирать руки и радоваться.

На тот момент я не знал кандидатур в заказчики эсэмэски лучших, чем детишки покойной. Кому как не им перепало немалое наследство? У кого как не у них исчезла обуза в виде астматички-паралитички? Ведь как Лёва, так и Оксана с мамашей “не очень-то дружили”, то есть детский лепет “как они могли родную мать...” здесь не к месту.

Против версии “детишки-убийцы” выступал весомый аргумент: на что детишки собирались после мамашиней смерти жить? Ведь зарабатывать ни Лёва, ни Оксана не умели. Я мог предположить, что детишки о будущем и не задумывались, и начали кусать локти только после смерти мамы, да верилось в такое с трудом. На дебилов ни Лёва, ни Оксана не походили.

Другой вопрос: если заказчица Оксана, то зачем нанимала меня? Ведь я мог клиентку вывести на чистую водицу. Тут всё просто. Понадеялась, что хитрее меня. Мол, замела следы так, что уверена: следствие мамашину дочурку оправдает, заодно навсегда отведёт подозрения.

Виновны мамашины детишки или нет, а подозревать их полезно. Куда глупее верить в невиновность Лёвы и Оксаны безо всяких на то оснований. Потому я и сказал Оксане без обиняков, что подозреваю её и Лёву до тех пор, пока не найду им оправдание. Ведь всё равно сначала проверил бы детишек, какими бы пушистыми они не казались на первый взгляд. Такой уж я Фома. Доверчивым путь в сыщики заказан.

К тому же Оксана за неделю до смерти мамы перезаписала на своём ноуте операцию. То есть стёрла с диска все возможные улики. Разве не подозрительно?

Или взять Лёву. Тот вообще мечтает учиться не где-нибудь в Тухлорыбинске, а в нерусских парижках. А там, ясное дело, учёба влетает в немалую копеечку.

Оксана с перезаписью операционки меня волновала больше лёвиной розовой мечты. Как известно, перезапись системы с помощью проги типа оксаниной “Копидиск” стирает с диска всё, включая следы походов по интернету. Причём стирает напрочь, без возможности восстановления.

Такой радикальный способ заметания следов применяют малолетки, когда прячут от родителей походы по порносайтам. Раньше стирали журнал посещённых сайтов, но оставалась парочка системных файлов, в которых можно узнать адреса всех сайтов, куда заглядывал пользователь. Потому малолетки перешли на проги типа “Копидиск”.

“Копидиск” позволяет стереть компромат в считанные минуты. Способ простой и действенный, потому живучий и известный на весь интернет. Глупо было бы предполагать, что Оксана о таком способе заметания следов не знала.

Со слов Оксаны, она переписывала операционку раз в месяц, чтобы не глючила. Может, и не врала. Но проверить не мешало.

Если эсэмэску мамаше заказала Оксана, то понятно, зачем ей понадобилось перезаписывать операционку. Ведь могла заказать через сервер, который меняет сетевой адрес компа. Узнала сетевой адрес компа в неткафе, – это сможет даже ребёнок, – и заказала эсэмэску со своего ноута. По ходу подменила сетевой адрес своего ноута адресом компа из неткафе.

Слишком сложно? Проще пойти в неткафе, и заказать эсэмэску оттуда? Можно и так. Только в таком случае в неткафе заказчицу могут опознать. Значит, смысл заказывать эсэмэску с домашнего ноута есть. А затем можно перезаписать операционку. Ведь Оксана уверена – и не без оснований – в том, что перезапись системы сотрёт все файлы с компроматом подчистую. Концы в воду.

Я запустил на компе виртуальную операционку, загрузил систему Оксаны из копии диска, что снял с винчестера оксаниного ноута.

Первым делом я проверил время сноса операционки. Оксана не соврала. Заново система запустилась в субботу, шестого июня, ночью, в двадцать минут второго. Примерно то же время назвала и Оксана. Я засчитал Оксане бонус за правду, продолжил прогулку по диску мамашинной дочурки.

Прогулка оказалась короткой. Оксану интернет радовал социальными сетями да дизайнерскими сайтами. Вот и все интересы. Ссылок на посещённые сайты с адресами вроде “сэнд-эсэмэс” и “чейндж-ай-пи” я не нашёл. Свежестёртых подозрительных файлов тоже не откопал. Да и как я мог их найти? Ведь Оксана весь компромат – если он был – стёрла, когда перезаписала операционку.

Я отключил копию винчестера Оксаны, подключил лёвину. Операционка Лёвы запросила пароль. Я ввёл суперпароль “с-е-к-р-е-т-н-ы-й-п-а-р-о-л-ь-л-ё-в-ы”, как учил Лёва: в английской раскладке, в нижнем регистре, без пробелов. Система поздоровалась, загрузилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.